

ТАНК

НА ПЛОЩАДИ

Новокузнецк – типичный продукт советской индустриализации 30-х годов. Полумиллионный город, до максимума насыщенный промышленными предприятиями, имеет до обидного минимальный набор достопримечательностей – главных, пожалуй, две: отреставрированная несколько лет назад Кузнецкая крепость и танк Т-34 на площади Побед, рядом с заводоуправлением Новокузнецкого (в недавнем прошлом – Кузнецкого) металлургического комбината. Впрочем, новокузнецчане к своим реликвиям относятся бережно, если не сказать благоговейно.

«Мы мирные люди, но...»

В конце 30-х годов один из авторитетных американских журналистов Роберт Скотт совершил путешествие в советскую Россию. Объехав европейскую часть СССР, Урал, издал довольно пухлую книжку, в которой утверждал, что Сталин благодаря помощи американских специалистов готовит экономическую базу для экспорта революции на Запад. Его главным аргументом было то, что большинство из заводов, построенных в период индустриализации, имели так называемое двойное назначение: Сталинградский и Харьковский тракторные заводы могли выпускать танки, автозавод имени Сталина (ныне ЗИЛ) – снабжать рабоче-крестьянскую Красную армию тяжелыми грузовиками, металл давали модернизируемые американцами украинские металлургические предприятия. Хотел Сталин напасть на Европу или не хотел, – дело темное, историки до сих пор воюют между собой, но так или иначе, за исключением ЗИЛа, все описанные Скоттом заводы фактически были захвачены немцами или выведены из строя в течение первых полутора лет войны. А вот комбинат, на котором Скотт не побывал, но который вопреки всем подозрениям и обобщениям журналиста должен был производить только гражданскую продукцию, взвалил на себя тяжкую ответственность быть главной металлургической базой страны в годы войны. Речь идет о Кузнецком металлургическом комбинате.

Кузнецкие металлурги и новокузнецчане вообще люди достаточно скромные. Во всех школьных учебниках истории, особенно советского периода, Кузнецкстрой фигурирует постольку-поскольку, хотя именно об этой стройке Маяковский писал: «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвесть». Похожая картина и в складом казковцев в Победу – есть танкограды, есть магнитки, а вот про то, что из броневой стали «Сделано на КМК» была создана практически половина – примерно 50 тысяч – советских танков, знают в основном жители Новокузнецка. Прибавьте к этим танкам еще и десятки тысяч тонн авиационной брони – той, что шла на штурмовик ИЛ-2, того самого – страшного для немцев и ныне популярного у любителей компьютерных авиасимуляторов. Впрочем, по порядку...

Первые июньские сражения развеяли все иллюзии у Кремля о том, что война будет выиграна малой кровью и на чужой территории. Иначе что бы заставило наркома тяжелой промышленности Тевосяна прислать уже 26 июня 1941 года приказ с требованием наладить на КМК производство броневой стали? Броню в Сибири никогда не варили, впрочем, и никто этого не требовал – специально обученные люди успешно занимались производством брони на украинских заводах. Следовательно, Тевосян понимал, что Украину скоро придется оставлять немцам, а вот Красную

поколению превратил один из танков эпохи «Великой войны» в памятник. В 1940 году «первый красный офицер» Климент Ворошилов открыл аналогичный мемориал в Архангельске – английский танк, ставший трофеем в гражданскую, водрузили на монумент.

В Великую Отечественную танки, пушки и даже минометы массово становились памятниками – началось это, естественно, с 1943 года, когда Красная армия пошла на Запад. Как поется в известной песне, «поднимут на руки каркас» – так вот зачастую этот каркас и становился первым монументом на могиле героев. Войска шли дальше, и времени на изготовление какого-то сооружения с претензией на познания в архитектуре обычно не было. Позже, уже в 50-е и 60-е, это движение стало массовым – и до сих пор по всей Европе, куда ступила нога советского солдата, стоят десятки, если не сотни Т-34.

Сегодня значительная часть этих памятников стала жертвой политиков и вандалов, которые в этих танках видят следы советской оккупации, но в цивилизованных странах вроде Германии отношение к ним вполне приличное, что, впрочем, не удивительно – в Бельгии, Голландии, Франции стоят аналогичные памятники на местах бывших сражений. Тут уж все от воспитания местного населения зависит, а не от политики.

Впрочем, речь не о Европе, мы говорим о Сибири. За вклад в Победу партия и правительство наградили КМК тремя государственными наградами – эти ордена до сих пор высечены на здании заводоуправления. Наверное, они были бы единственными напоминаниями о минувшей войне на комбинате, если бы не стечение обстоятельств. В 1972 году замдиректора КМК по кадрам Н. Миловацкого отправили в командировку на Челябинский тракторный завод. В годы войны ЧТЗ штамповал танки в таком количестве, что букву «Т» в аббревиатуре названия завода следовало расшифровывать как «танковый». Челябинцы не мудрствуя лукаво установили у своей проходной «тридцатьчетверку», и именно присутствие этого танка слегка задело патриотические чувства Миловацкого. «Они, конечно, танки производили, но из чьей брони?!» – возмутился про себя Миловацкий и, вернувшись в Новокузнецк, пошел к директору комбината Е. Салову. «Давай тоже танк поставим!» – предложил замдиректора КМК директору. Салов, человек эмоциональный, легкий на подъем, тем более фронтник, согласился: «Пиши в Совет министров! Идея хорошая, тем более скоро 30-летие Победы».

Как это ни удивительно, но Совмин просьбу сибиряков отклонил. Почему? История ответа не дает, можно только догадываться, ведь в эти годы «танковая монументализация» шла по всей стране, а в Новороссийске в угоду Брежневу архитекторы ломали голову над тем, как на десятиметровое бетонное основание можно поставить целый торпедный катер.

Другие бы, наверное, опустили руки, но Салов с Миловацким решили продолжить «борьбу за танк». «Пиши Бабаджану», – сказал Салов своему заму. Маршал Бабаджаня командовал тогда танковыми войсками Советской Армии и оказался человеком более понятливым, чем целый Совет министров. Вскоре в Сибирский военный округ ушла телеграмма: «Приказываю передать на Кузнецкий металлургический комбинат один танк Т-34 из числа машин, вышедших в капремонт. Маршал бронетанковых войск Бабаджанян».

Ствол в окно директора

броневая сталь: броню в Сибирь привозили не варили, впрочем, и никто этого не требовал – специально обученные люди успешно занимались производством брони на украинских заводах. Следовательно, Тевосян понимал, что Украину скоро придется оставлять немцам, а вот Красную армию без танков оставлять нельзя. Самое интересное, что КМК толком не был приспособлен для производства броневой стали – броню тогда варили в электродуговых или в малых мартенах, а прокатывали лист на специальном стане. Ни того ни другого на КМК не было. Зато были большегрузные мартены и умные головы. Metallурги пошли на эксперимент, который был на грани риска (а что такое было рисковать в сталинские годы, догадаться несложно), и впервые в истории отечественной металлургии рискнули сварить броню в мартене, предназначенном для рядового металла. Ровно через месяц после получения приказа Тевосяна на КМК получили первую броневую сталь для тяжелого танка КВ.

Броня получилась отвечающая всем требованиям танкистов, что было подтверждено на полигоне, который в арвальном порядке был построен за заводом – свежескатанный лист обстреляли 76-миллиметровой пушкой – военный приемщик в галифе критично осмотрел выбоины, хмыкнул, но остался доволен тем, что ни одного сквозного пробоина не было. Броню начали отгружать на танковые заводы. Осталось только добиться необходимых объемов производства. Время опять поджимало – в июле немцы уже вовсю наступали на Украине, и местным заводам работать оставалось буквально считанные дни. Слава богу, на комбинате инженерные кадры берегли и в годы репрессий, и в период массовой мобилизации, поэтому через три месяца КМК уже ежемесячно производил около трех тысяч тонн брони.

Сталевары настолько резко взялись за дело, что вскоре стало понятно: листопркатный цех просто уже не успевает за ними. И тут вновь казмовцы предлагают неожиданное решение – прокатывать броневый лист в рельсобалочном цехе. Казалось бы, это невозможно, но опять получилось. 45-миллиметровый броневый лист, стандартный для знаменитого Т-34, с 1942 года начали отгружать с рельсобалочного цеха, а с 1944 года его здесь прокатывали до 7000 тонн в месяц. Несложная арифметика – «тридцатьчетверка» весила 32 тонны, то есть один только блюминг давал ежемесячно более 200 танков!

Самое главное – количество не шло за счет качества. Когда в ходе войны в руки наших специалистов попали немецкие танки, советские танкостроители долго не могли поверить, что немцы, великие и всемирно признанные металлурги, могут производить такую некачественную броню – одинаковые противоснарядные свойства получались лишь в том случае, когда немецкая броня была толще нашей в 1,3 раза. Вот вам и пресловутое немецкое качество. «Немецкая сталь оказалась хуже русской» – это уже из мемуаров Гудериана, главного идеолога и практика немецкой танковой школы. С ним не поспоришь....

Отдельно надо отметить и производство авиационной брони. Это практически ювелирная работа для металлурга, потому что в отличие от танковой эта броня должна летать. Мне приходилось общаться с пилотами ИЛ-2. Ни один из этих ветеранов не пожаловался на броню штурмовика – она держала не только пули, но и снаряды «Эрликонов». Из всех многочисленных названий ИЛ-2, придуманных немцами, вроде «черной смерти», наиболее показательно в этом смысле – «бетонный самолет». В этой прочности, возможно, и разгадка астрономических счетов немецких асов. Ветераны рассказывают, как к одному и тому же ИЛ-2 по очереди пристреливались до пяти немецких истребителей – стреляли, фиксировали попадания на киноплёнку и уступали место следующему «асу». А ИЛ-2 летел «на честном слове, на одном крыле» и, добавлю, казмовской броней, спасавшей пилота и двигатель.

Кроме танковой и авиационной брони КМК производил еще сталь для снарядов, направляющие (так называемые рельсы) реактивных минометов БМ-13 «Катюша», одним словом, главная кузница Победы была здесь – в Сталинске, а ныне Новокузнецке. И еще в своих мартенах переплавлял немецкий металлолом, который шлонами шел с полей сражений. В этом есть что-то мистическое: завод в буквальном смысле перерабатывал в себе металл захватчиков и давал металл освободителям – воистину «кто к нам с мечом пришел, тот от меча и погибнет».

«Бронированные» памятники

Идея ставить танки и другую боевую технику на постаменты, столь популярная у нас в советские годы, как это ни парадоксально звучит, родилась на Западе. Первый раз боевую машину водрузили на постамент в Италии в конце 30-х. Бенито Муссолини в знак уважения к павшим на фронтах Первой мировой итальянцев и в назидание подрастающему

Ствол в окно директора

Самое интересное, что на КМК о своем решении маршал не сообщил. И каково было удивление Миловцацкого, когда ему позвонили с проходной: «Николай Митрофанович, тут какой-то танкист с танком пришел». Оказывается, танк уже стоял на железнодорожном вокзале на платформе и офицер не знал, кому его сдать. Через пару часов машину сгрузили и она своим ходом резко победола по центральному проспекту Новокузнецка – «прописать» его до поры до времени решили в автотранспортном управлении КМК. Нужно было срочно создавать постамент – городских архитекторов загрузили этой работой.

Пока архитекторы делали свое дело, выяснилась история этого танка. Произведенный в конце 1944 года, он был два раза подбит, два раза отремонтирован, служил сначала в Германии и Чехословакии, а затем, когда устарел по своим боевым качествам, был отправлен в Сибирский военный округ. Здесь «тридцатьчетверка» под номером 114 начала недолгую, но яркую кинокарьеру – режиссер Гавриил Егиазаров поставил фильм по книге Ю. Бондарева «Горячий снег», часть съемок велась в воинской части СибВВО, и «казмовский танк» честно отъездил положенное режиссерским замыслом перед объективом кинокамеры – причем с тем самым номером на башне, с которым он и был передан на КМК.

Новокузнецкие архитекторы и строители с заданием металлургов справились быстро, но с претензией на высокое искусство – постамент был выполнен в виде листов брони, которую варил и катал КМК. И уже в начале мая 1973 года танк вновь своим ходом выехал на площадь Побед. Мощный кран поднял тридцатитонную машину. В этот момент из здания заводоуправления вышла делегация космонавтов, которая прибыла с официальным визитом на завод. На людей, побывавших в космосе, зрелище висящего в воздухе танка произвело такое впечатление, что они принялись дружно фотографироваться на его фоне.

9 мая 1973 года при большом стечении народа памятник был открыт. Миловцацкий до сих пор считает, что его «крестный» получился лучше, чем прообраз у ЧТЗ. «У нас танк в динамике, кажется, что он летит, ствол гордо задран», – говорит Николай Митрофанович.

Со стволем связана история, которая похожа на легенду, но на самом деле абсолютно реальна. Через пару дней после установки все, кто шел на утреннюю смену, увидели, что башня у танка развернута и смотрит прямо в окно заводоуправления. Все было бы ничего, но эти окна были окнами директора Кузнецкого металлургического комбината. Башню развернули, но через день Салов увидел у себя в окне зияющее отверстие ствола 85-миллиметровой танковой пушки. На заводе решили, что кто-то из уволенных с комбината по 33-й статье (а Салов был суров в отношении трудовой дисциплины) бывших танкистов сам сводит счеты с директором. Поэтому башню зафиксировали, а люки намертво заварили.

Впрочем, это не единственная забавная история, связанная с танком. В середине 90-х годов, когда комбинат рвали на части претенденты на собственность и управление, после очередного митинга, организованного «временщиками» у проходной комбината, начальнику УВД Новокузнецка позвонил корреспондент серьезного западного информагентства. «Господин полковник, правда, что митингующие даже танк нашли для удовлетворения своих требований?» – спросил иностранец, зная русские традиции переделов собственности. «Правда», – искренне сказал главный новокузнецкий милиционер, глядя на взметнувшийся над площадью ствол «тридцатьчетверки».

Однако на этом жизнь танка не остановилась – два года назад было отмечено 30-летие памятника. Энтузиасты отметили его с минимумом официоза, без длинных речей, но со вкусом – на танк посадили экипаж в форме танкистов Великой Отечественной, к подножию памятника подъехал «ЗИС-5», накануне восстановленный на комбинате, играла гармошка, а народ шел на смену, глядя на ожившую картину войны....

Уже четвертое десятилетие Т-34 – символ комбината и символ Новокузнецка. Настолько, что весной 2005 года его изображения украсили весь полумиллионный город, появились на телевидении и в газетах, потому что 60-летие Великой Победы и Т-34 у заводоуправления НКМК – две неразрывные части одного целого.

Американцы тоже сделали свои выводы. Корреспондентам они давно не доверяют. А Новокузнецк еще в 1945 году был включен в число первых восьми целей превентивного ядерного удара – вместе с Москвой, Ленинградом, Баку... Так и живем – под прицелом, но с танком, который в любой момент можно завести и ехать воевать с супостатом.

Ростислав БАРДОКИН